ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я была ребенком, мне было ясно одно: без познания любви не стоит и жить. И хотела бы я прийти к столь важному заключению благодаря избытку любви в своей жизни, но, к сожалению, именно ее отсутствие показало мне всю глубину этого чувства.

У своего отца я была первой дочерью. Когда я родилась, меня приняли в этот мир с распростертыми объятиями. Меня лелеяли и оберегали, и я чувствовала себя желанной как на этой земле, так и в родном доме. По настоящий день я не могу вспомнить момент, когда впервые ощутила, что меня перелюбили. Я знаю лишь то, что в один прекрасный день меня просто–напросто перестали ценить. Те, кто раньше оберегал меня, в одночасье отвернулись. Отсутствие их признания и уважения пронзило мое существо, оставив в душе лишь глубокое опустошение.

Меня захлестнули печаль и отчаяние. Я не понимала, в чем я была виновата. Любые попытки исправить ситуацию ни к чему не приводили. Никакие другие взаимоотношения не исцеляли боль, оставленную первым предательством, первым изгнанием из рая любви. Долгие годы я жила в подвешенном

состоянии, в ловушке прошлого, не имея сил двигаться в будущее. Как и любой страдающий ребенок, я хотела повернуть время вспять и снова оказаться в том моменте счастья, где я чувствовала себя любимой и ощущала внутренний комфорт.

Теперь же я знаю, что назад вернуться нельзя. Будущее — вот единственный путь. Мы способны найти любовь, которой так сильно жаждет наше сердце, однако сделать это возможно лишь тогда, когда мы отпустим тоску о давно утраченной любви: о той, которой нас лишили, когда мы были маленькими детьми и не имели голоса, чтобы заявить о потребности сердца. Все те годы жизни, когда я считала, что ищу любовь, я всего-навсего пыталась вернуть утраченное, вернуть свой первый дом и счастье первой привязанности. На самом деле я была не готова любить или быть любимой, потому что я все еще скорбела, цепляясь за разбитое девичье сердце, за разорванную связь. И только когда эта скорбь прошла, я снова смогла полюбить.

Пробудившись от состояния транса, я поразилась, что мир, мир настоящего, закрылся для любви. Я услышала и увидела повсеместные доказательства новых норм жизни. Отсутствие любви вошло в обычную практику. Я вдруг осознала, что наша нация отворачивается от любви с таким же рвением, с каким от меня отвернулись в девичестве. Отрекаясь, мы рискуем окунуться в духовную пустоту и больше никогда не найти дорогу домой. Я пишу о любви с намерением заявить об опасности современного движения и призвать к восстановлению любви. Искупленная и вновь принятая, она возвращает нас к обещанию вечной жизни. Любя, мы позволяем нашим сердцам говорить.

ВВЕДЕНИЕ

Благодать любви

«С сердцем можно говорить напрямую. Эта истина известна большинству древних культур. Мы можем общаться с ним как с хорошим другом. В современной жизни мы настолько заняты повседневными хлопотами, что утратили важнейшее искусство — находить время для разговора с сердцем».

Джек Корнфилд

На вопрос о любви она ответила с язвительным сарказмом:
«Любовь? Что это такое? Я никогда не испытывала любви»

я рассказываю о месте любви в движении за социальную справедливость. Действительно, все великие движения в нашем обществе делали сильный акцент на этике любви. И тем не менее молодые слушатели по–прежнему не хотят принимать любовь как преобразующую силу. Любовь для них — это наивность, слабость, безнадежная романтика. На самом же деле их отношение выливается из опыта взрослых, к которым они обращаются за объяснениями. Как представитель разочарованного поколения, Элизабет Вуртцель утверждает в своей книге «Стерва. Похвала жестким женщинам» (англ. *Bitch: In Praise of Difficult Women*): «Никто из нас не учится искусству любви — мы только страшимся ее все больше и больше. Никого из нас не наделили особыми навыками, соответственно любой наш неправильный выбор лишь усиливает чувство безнадежности и бесполезности любви». Ее слова перекликаются со всем тем, что я слышу о любви от старшего поколения.

Беседуя со своим поколением, я заметила, что слушатели начинали нервничать или даже бояться, особенно при упоминании недостатка любви. Иногда, когда я поднимала этот вопрос с друзьями, некоторые из них советовали мне обратиться к психотерапевту. Я понимала, что друзья, насытившись данной темой, полагали, что поход к психотерапевту даст им передышку. На самом же деле большинство из них просто испугались тех возможных открытий, с которыми они могли столкнуться во время исследования значения любви.

И все же, когда одинокая женщина старше сорока лет начинает разговор о любви, в сексистском по–

нимании предполагается, что она «отчаянно» ищет мужчину. Никто даже не думает, что она всего–навсего интересуется данным вопросом или усердно занимается философией, пытаясь понять метафизическое значение любви в повседневной жизни. Нет, ее просто считают женщиной, следующей путем «рокового влечения».

Разочарование и всепроникающее чувство разбитого сердца заставили меня более глубоко задуматься о значении любви в нашей культуре. Стремление найти любовь не лишило меня здравого смысла или перспективы. Напротив, оно дало мне стимул больше думать, говорить, читать популярную и более серьезную литературу. Изучая работы на тему любви, я с удивлением обнаружила, что подавляющее большинство «авторитетных» книг, используемых в качестве справочных пособий или книг по самопомощи, написаны мужчинами. Всю свою жизнь я считала, что любовь — это прежде всего тема, над которой с большей отдачей размышляют женщины. Я по–прежнему придерживаюсь этого убеждения, даже несмотря на то что провидческие женские мысли по сей день не воспринимаются так же серьезно, как мысли и труды мужчин. Мужчины говорят о любви, но женщины чаще всего ее практикуют. Большинство мужчин полагают, что раз они получают любовь, то знают, каково это — быть любимыми. При этом нам, женщинам, кажется, что мы находимся в постоянной тоске, желая любви, но не получая ее.

В философском учебнике Джейкоба Нидлмана «Маленькая книга о любви» (англ. *A Little Book About Love*) практически все основные тексты, которые он

комментирует, написаны мужчинами. В его списке значимой литературы нет книг, написанных женщинами. На протяжении аспирантуры, где я училась, чтобы получить докторскую степень по литературе, я припоминаю только одну женщину–поэта, которую превозносили как верховную жрицу любви — Элизабет Барретт Браунинг. И хотя ее считали второстепенной поэтессой, даже самый нелитературный студент среди нас знал начальную строку ее самого известного сонета:

> «Как я тебя люблю? Скажу сейчас:
> Для достижения любви блаженной
> Душа летит за грани совершенной
> Естественности, видимой для глаз»*.

Но это было в дофеминистские времена. С началом современного феминистского движения греческая поэтесса Сапфо стала еще одной богиней любви.

В те времена на каждом уроке творческого письма мы разбирали исключительно мужские любовные стихи. К слову, партнер, с которым я рассталась спустя много лет совместной жизни, впервые выразил чувства именно с помощью любовного стихотворения. Он всегда был эмоционально сдержанным и совершенно не интересовался любовью ни как темой для обсуждения, ни как повседневной жизненной практикой. При этом он был абсолютно уверен, что идей в данном вопросе у него предо–

---

* Элизабет Браунинг. Как я тебя люблю? Сонет 43 (перевод Вячеслава Чистякова).

статочно. Я же, напротив, все свои попытки написать любовные стихи считала жалкими и сумбурными. Когда я хотела выразить чувства, слова меня подводили. Мысли звучали сентиментально, глупо, поверхностно. В детстве, начав писать стихи, я чувствовала ту же уверенность, которую во взрослой жизни замечала только у писателей–мужчин. Я думала, что любовь — это единственная тема, самая главная страсть. И действительно, мое первое стихотворение, опубликованное в возрасте двенадцати лет, называлось «Взгляд на любовь» (англ. A *look at love*). Где–то по пути, на переходе от девичества к женственности, я обнаружила, что женщинам о любви сказать почти нечего.

И тогда моей избранной темой стала смерть. Никто вокруг меня — ни профессора, ни студенты — не сомневался в способности женщины оставаться серьезной, думая и рассуждая о смерти. Все стихи в моем первом сборнике так или иначе связаны со смертью. Несмотря на это, первое стихотворение в книге «Траурная песня женщины» посвящалось потере любимого человека и нежеланию уничтожать память. Я заметила, что размышления о смерти всегда приводили меня к любви. Я начала все больше задумываться о ее значении, по мере того как из жизни уходили мои друзья, товарищи и знакомые — иногда совсем молодые люди, смерть которых наступала внезапно. Приближаясь к сороковому дню рождения, я столкнулась с онкологией, которая, к сожалению, уже превратилась в обыденное явление в жизни женщин. Первым, о чем я подумала в ожидании результатов анализов, было: «Я не гото–

Если мы хотим создать культуру любви, мы должны глубоко переосмыслить собственные мысли и действия

ва умереть. Я все еще не нашла любви, которой так жаждет мое сердце».

Вскоре после окончания вышеупомянутого кризиса у меня началась тяжелая, угрожающая жизни болезнь. Столкнувшись с возможной смертью, я стала одержима вопросом любви как в своей жизни, так и в современной культуре. Работа в качестве культурного критика предоставила мне возможность обращать пристальное внимание на все, что повествуют нам о любви средства массовой информации, особенно фильмы и журналы. В основном все они утверждают, что любви хочет каждый, но при этом мы остаемся в полном замешательстве относительно ее практической стороны. В популярной культуре любовь всегда является предметом фантазии. Возможно, именно поэтому большинство теоретических разработок принадлежит мужчинам. Фантазии — это неотъемлемая часть мужской жизни не только в сфере культурного производства, но и в повседневной практике. Мужская фантазия рассматривается как нечто, способное создавать новые миры, в то время как женскую фантазию приравнивают к бегству. Таким образом, роман остается единственной сферой, где женщины рассуждают о любви с некой степенью авторитетности. И все же, когда мужчины пишут роман, их труд вознаграждается гораздо больше, чем труд женщин. Книга «Мосты округа Мэдисон» (англ. *The Bridges of Madison Country*) служит тому ярчайшим примером. Если бы женщина написала сентиментальную, поверхностную историю любви (в которой, впрочем, есть свои плюсы), вряд ли она возымела бы такой успех, преодолев все границы жанра.